

Зайнуллина С. С. Методологический синтез в философии : рецензия на книгу Маттье Кело об объединении генеалогии, прагматизма и концептуальной инженерии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 8, № 3. — С. 401–418.

СЮМВЕЛЬ ЗАЙНУЛЛИНА*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ В ФИЛОСОФИИ**

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ МАТТЬЕ КЕЛО ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ ГЕНЕАЛОГИИ,
ПРАГМАТИЗМА И КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

QUELOZ M. THE PRACTICAL ORIGINS OF IDEAS : GENEALOGY AS CONCEPTUAL
REVERSE-ENGINEERING. — OXFORD : OXFORD UNIVERSITY PRESS, 2021.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-401-418.

Проблематика природы, содержания и происхождения концепций традиционно занимает центральное место в философских исследованиях и продолжает оставаться актуальной. На сегодняшний день в философской методологии можно выделить как минимум два метода, целиком сосредотачивающих свое внимание на концепциях: концептуальный анализ и концептуальная инженерия (*conceptual engineering*). Второй из них стал выделяться в самостоятельную методологическую область не так недавно, в течение последних двух десятилетий, и потому вызывает особый интерес. Книга М. Кело, которая будет рассмотрена в этой рецензии, представляет собой описание философского подхода, поэтому первая часть текста будет посвящена краткому экскурсу в методы, используемые автором, в том числе в концептуальную инженерию.

Сам термин «концептуальная инженерия» впервые встречается в работе 1991 года Р. Крета, исследователя Р. Карнапа, и чуть позже у специалиста по метаэтике С. Блэкберна в книге 1999 года (Isaac et al., 2022: 1). За это время метод обрел огромную популярность, и количество работ, выпускаемых по этой теме, в последние несколько лет неуклонно растет: концептуальные инженеры активно обсуждают проблемы своей методологии, пути решения, уже сформировавшуюся историографию и перспективы.

*Зайнуллина Сюзумбель Салаватовна, студент, Институт классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), sszaynullina@edu.hse.ru, ORCID: 0009-0001-6814-9093.

**© Зайнуллина, С. С. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Кругом вопросов, задачами и методами¹ концептуальная инженерия сильно напоминает интеллектуальную историю², хотя ее сторонники, кажется, ассоциируют себя не столько с этим подходом, сколько с аналитической философией в целом. В сравнении с концептуальным анализом, сосредоточенным только на описаниях, концептуальная инженерия считает своей отличительной чертой стремление к нормативности, то есть к тому, чтобы сделать наши концепции лучше (Chalmers, 2020: 3; Isaac et al., 2022: 2)³. Предполагается, что эта цель может быть достигнута в три или четыре этапа: описание, оценка, улучшение концепции (проектирование, дизайн) и введение ее обновленной версии в употребление (Chalmers, 2020: 2–3; Isaac et al., 2022: 3).

Помимо концептуальной инженерии, Д. Чалмерс, к примеру, выделяет понятие *conceptual re-engineering*, под которым он понимает исправление уже имеющейся концепции, а не проектирование новой с нуля (Chalmers, 2020: 6–7). Существует также понятие *conceptual reverse-engineering*, то есть обратная концептуальная разработка, методология которой, как считает М. Хэннон, может восходить к Дж. Остину⁴. По мнению того же Хэннона и С. Дограмаджи, современного сторонника этого метода, обратная разработка позволяет сделать выводы о функции концепции, то есть о ее сути, через анализ употребления слов (Dogramaci, 2012: 516–517; Hannon, 2019: 22). Так, можно сказать,

¹В качестве введения в метод можно ознакомиться со следующими работами: Chalmers, 2020; Isaac et al., 2022. Более подробное описание проблем, интересующих концептуальных инженеров, можно найти во вводной статье Г. Каппелена и Д. Планкетта: Cappelen & Plunkett, 2020.

²Понятие интеллектуальной истории не имеет четкого определения, но можно сказать, что это направление в гуманитарных исследованиях, сосредоточенное на изучении различных «форм мысли», «идей», «концепций» и т. д., их возникновения, развития, взаимодействия друг с другом и прочих аспектов с исторической, философской, социологической, лингвистической и других точек зрения. Внутри этого направления традиционно выделяют: немецкую «историю понятий» (Р. Козеллек), американскую «историю идей» (А. Лавджой), кембриджскую школу истории идей (Кв. Скиннер) и др. С различными взглядами на сущность интеллектуальной истории можно ознакомиться, например, в следующих работах: Lovejoy, 1940: 8; McMahon, 2014: 14–15; Collini, 2016: 11; Уотмор, Эдельман, 2023: 14–21.

³Тем не менее, такое различие вряд ли является строгим, и многие из исследователей в области интеллектуальной истории тоже могут стремиться лучше осознать существующие концепции и усовершенствовать их.

⁴Понятие *reverse-engineering* также активно применяется в программировании, но ни упомянутые авторы, ни М. Кело, книге которого посвящена эта рецензия, об этом не говорят, поэтому мы не совсем уверены, имеют ли они какую-либо связь.

что *reverse-engineering* предлагает изучать концепции с *прагматической точки зрения*, то есть анализировать их *практические проявления*.

Монография молодого философа Маттье Кело (Matthieu Queloz), приват-доцента Бернского университета, «Практическое происхождение идей: генеалогия как обратная концептуальная разработка», вышедшая в 2021 году, посвящена описанию оригинального философского подхода по работе с концепциями и истории его развития. Этот подход объединяет в себе несколько методологических направлений, главным образом, — генеалогию и концептуальную инженерию, а точнее, обратную разработку, и позволяет реконструировать и преобразовывать концепций с опорой на их функции.

Следует уточнить, что понимание метода обратной разработки Кело несколько отличается от Хэннона и Дограмаджи. Он предлагает изучать не только употребление слов, но и «...любые попытки объяснить, почему мы думаем (и говорим) так, как мы это делаем, с точки зрения практической цели прихода к тому, чтобы делать так» (Queloz, 2021: 17 п. 34).

Что касается генеалогии, то она в подходе Кело играет, по-видимому, бóльшую роль, нежели обратная разработка. Генеалогия — повествование о происхождении и о развитии (*ibid.*: 5), считается еще одним философским методом для работы с концепциями, но намного менее популярным.

Существуют разные точки зрения на историю этого метода и его классификацию. Э. Крейг, к примеру, различал фактическую, воображаемую (*imaginary*) и предположительную (*conjectural*) генеалогии по типу историй, которые они рассказывают (Craig, 2007: 182). Первая строится на свидетельствах исторических источников, вторая буквально придумывается в качестве гипотетической ситуации «естественного состояния» (*state of nature*), а третья занимает промежуточное положение — она использует модель «естественного состояния», не претендуя на особую историчность, но при этом оставаясь как минимум теоретически возможной. Представителями первой генеалогии являются Ф. Ницше и М. Фуко, в качестве примера второй — К. Д. Новаэс, комментируя Крейга, приводит миф Аристофана о происхождении любви из «Пира» Платона, а третьей — описанное Т. Гоббсом естественное состояние человеческого рода, как предшествующее возникновению государства, похожую теорию Д. Юма о происхождении справедливости из-за эгоистичности людей и ограниченности ресурсов и генеалогию правдивости (*truthfulness*) Б. Уильямса (*ibid.*: 192–193; Novaes, 2016: 93).

Важной чертой второго и/или⁵ третьего типа генеалогий, о которой нельзя не упомянуть, является то, что они сочетают в себе функциональное и вымышленное/художественное (*imaginary/fictional*) описание развития. Первое позволяет нам понять, каким потребностям служит концепция, а вторая — увидеть ее «внутреннюю ценность» (*intrinsic value*) и с ее помощью обнаружить самоустраняющиеся (*self-effacing functionality*), как их позже назовет Кело (Queloz, 2021: 57), функции (Williams, 2002: 33–35). Об этом аспекте генеалогии пишет Б. Уильямс в работе 2002 года «Truth and Truthfulness», за которой очень во многом следует М. Кело. Здесь мы видим, что генеалогии тоже имеют сходство с прагматическим взглядом на концепции.

Помимо этого, генеалогии можно классифицировать по тому, какую цель они преследуют и какой эффект производят: оправдательные (*vindictory*), разоблачающие (*subversive, debunking*) и нейтральные объясняющие (*explanatory*). Оправдательные усиливают нашу уверенность в концепции, убеждают, что она правильная, разоблачающие — наоборот, подрывают наше доверие, а объясняющие не несут никакой ценностной оценки, но этот последний тип, как считает Крейг, едва ли существует (Craig, 2007: 182–184)⁶. Из этого следует, что генеалогия тоже является нормативной, как и концептуальная инженерия.

Такие подробные вступительные заметки по истории методов были нужны, чтобы помочь нам лучше понять задумку рассматриваемой монографии и оценить ее. Кело преследует две основные цели: во-первых, дать как можно более полное описание и обоснование метода, чтобы доказать его эффективность; во-вторых, на примере пяти философских работ показать, что этот метод имеет долгую традицию (Queloz, 2021: 18, 246). Мы бы хотели сосредоточить свое внимание на первом пункте и посмотреть, удастся ли автору, во-первых, объяснить связи между всеми элементами его системы, и, во-вторых, убедить читателя в полезности защищаемого им метода для изучения концепций⁷.

⁵Б. Уильямс, к примеру, выделяет только два вида генеалогий — исторически достоверный и воображаемый, и видит себя и Э. Крейга как сторонников второго (Williams, 2002: 32).

⁶Исследователи продолжают работать над теоретизированием подхода, и, к примеру, новые способы типологизации генеалогий, учитывающие работу М. Кело, недавно были предложены Б. Лайтбоди (Lightbody, 2023) и Дж. Рэтклифф (Ratcliffe, 2024).

⁷О последнем пункте высказался другой рецензент, П. Кайл, который считает, что возведение традиции прагматической генеалогии прямо до Юма и Ницше не слишком убедительно (Kail, 2021).

Перейдем к рассмотрению содержания работы М. Кело. Книга состоит из 10 глав и может быть условно поделена на три части: (1–3) подробное введение в метод и описание его деталей; (4–8) рассказ об истории развития метода на примерах его отдельных представителей; (9–10) обоснование еще нескольких преимуществ метода и подведение итогов. Каждая из них имеет в среднем по 4–5 подглав.

Первая глава называется «Почему мы стали так думать». Из ее в вводной части мы узнаем, что Кело интересуется возможностью объяснить происхождение концептуальных практик (КП)⁸ — концепций, которыми мы «живем», через потребности, то есть ответить на прагматический вопрос «что *X* делает для нас»⁹, а не «что есть *X*». Метод, который он предлагает использовать для достижения этой цели, называется прагматической генеалогией (ПГ) (Queloz, 2021: 2–3). В 1.1 Кело указывает на место, занимаемое обнаруженной им традицией прагматической генеалогии: она находится между вымышленной и исторической, совмещающая в себе и художественное, и историческое описание, и оправдательное, и объяснительное (ibid.: 8). В 1.2 Кело приводит в пример уже упомянутую нами генеалогию истины Б. Уильямса, называет основные поводы для критики генеалогического метода (антиисторичность, антропологичность, пренебрежение синхронным подходом и др.), коротко отвечает на каждый из пунктов и коротко отвечает на каждый из пунктов. Здесь же он называет несколько других преимуществ метода: применение «естественного состояния» в качестве объяснительной модели и одновременное использование двух интерпретационных техник — динамической и актуалистической (ibid.: 8–12, 15–16). Пункт 1.3 содержит рассуждения о необходимости раскрыть историю метода ПГ на примере конкретных проектов из истории философии (ibid.: 17–18).

Вторая глава называется «Преимущества обратной разработки». В 2.1 обсуждается польза прагматического подхода для анализа концепций, особенно тех, которые мы не привыкли рассматривать чисто инструментально, — он позволяет взглянуть на них под непривычным углом (ibid.: 21–22). В подглаве 2.2 Кело критикует метод концептуального анализа и перечисляет семь достоинств обратной разработки (Queloz, 2021:

⁸ Подобные аббревиатуры мы будем использовать для экономии места.

⁹ «Прагматически вопрос» у Кело формулируется по-разному: что идея делает для нас? почему мы ее имеем? какой цели она служит? какую пользу приносит? почему мы пришли к такому мышлению, почему мы должны развивать эту идею? (Queloz, 2021: 1–2, 4, 30, 77–78, 244 и др.).

25–26, 27–31). Пункт 2.3 объясняет полезность применения нередуктивных натурализма и прагматизма в рамках ПГ (*ibid.*: 36). В 2.4 говорится о том, что ПГ может быть не только объяснительной, но и оправдательной, и при этом отмечать поводы для критики (*ibid.*: 38, 40). В 2.5 Кело говорит о необходимости полной обратной разработки концепции для их действительно ответственного проектирования (*ibid.*: 41–42). Из обобщающей подглавы 2.6 мы узнаем, что такой функциональный подход как ПГ на деле может сочетаться с альтернативными методами — интенциональным и экстенциональным (*ibid.*: 44, 46).

Третья глава посвящена генеалогии. Во введении к ней Кело выступает против парадигмального подхода М. Фрикер и называет два случая, в которых ПГ более полезна в отличие от него: (1) когда КП обладает самоустраняющейся функциональностью (*self-effacing functionality*); (2) когда КП сильно изменилась и потеряла связь с первоначальной функцией. Затем, в 3.1 он объясняет, что метод ПГ позволяет решить эти проблемы с помощью двух этапов — идеализации и деидеализации (*ibid.*: 49–50). В подглаве 3.2 Кело подробнее рассматривает КП с самоустраняющейся функциональностью и обосновывает необходимость применения ПГ к ней (*ibid.*: 56–58). В 3.3 обсуждается второй случай — когда практики изменяются. Кело предлагает решение трех ситуаций с помощью ПГ и описывает техники работы с ними (*ibid.*: 60, 63–68).

В четвертой главе Кело преследует цель доказать, что корни ПГ лежат в XVIII веке в философии Д. Юма, и обозначить его вклад. Из 4.1 мы узнаем, что у Юма есть причина для построения прагматической генеалогии — нужно найти мотив, приведший к появлению искусственной добродетели справедливости (*virtue of justice*) (*ibid.*: 73–74). В подглавах 4.2 и 4.3 Кело пересказывает Юма через призму ПГ и показывает, что тот выделяет как инструментальную ценность справедливости, так и не инструментальную (*ibid.*: 77–79, 84). Из 4.4 мы узнаем, что ПГ Юма показывает возможность возникновения неестественных для людей практик (*ibid.*: 88), а в 4.5 Кело перечисляет выгоды от использования «естественного состояния», которые демонстрирует Юм (*ibid.*: 89–91).

Пятая глава отведена ПГ у Ф. Ницше. В подглавах 5.1 и 5.2 говорится о его вкладе в метод ПГ — о введении историчности и распространении натурализма: Ницше считал, что концепции объяснимы с точки зрения их функций, а они — наших потребностей, которые обусловлены историческими обстоятельствами (*ibid.*: 106–107). В 5.3 Кело приводит

в пример две генеалогии Ницше: справедливости и правдивости (*truthfulness*), и говорит о его сходстве с английской функциональной генеалогией (Queloz, 2021: 109, 114). В 5.4 обсуждается продемонстрированная Ницше чувствительность ПГ к гипертрофированным концепциям (*ibid.*: 124), а в 5.5 говорится о том, что поздний Ницше выступал за сочетание функциональных гипотез с историзмом (*ibid.*: 126–127, 130).

Следующая, шестая глава, рассказывает о генеалогии концепции знания, предложенной Э. Крейгом. В первых двух подглавах 6.1 и 6.2 Кело обсуждает отправные точки этой ПГ, понятие информаторов и концепции прото-знания (*ibid.*: 140–141). В пункте 6.3 Кело объясняет, что, хотя эта прото-концепция является базовой, она также еще генеалогически примитивна и может быть проанализирована через динамическую модель (*ibid.*: 142). В результате процесса объективизации, то есть потери связи с субъективными потребностями и замены их общими, возникает «знание» (*ibid.*: 143–145). В подглаве 6.4 говорится о том, что объективизация сопровождается деинструментализацией (*ibid.*: 148–149). В 6.5 Кело перечисляет достоинства концепции Крейга, как более толерантной к вариациям (*ibid.*: 150–151, 153).

В седьмой главе речь идет о Б. Уильямсе и его концепции истины. Глава 7.1 раскрывает, что, согласно ПГ Уильямса, изначально люди ценят истину исходя из ее практической ценности (*ibid.*: 159), а 7.2 содержит в себе причины, по которым впоследствии у них появляется потребность в ее внутренней ценности (*ibid.*: 160–170). В 7.3 Кело доказывает, что Уильямс очень близок к кембриджским прагматистам, в 7.4 отвечает на критику К. Макгинна и в 7.5 указывает на сходство его взглядов с Ницше (*ibid.*: 176–177, 184–185, 188–189).

Восьмая и последняя глава про авторов посвящена М. Фрикер. Одно из ее новшеств состоит в том, что она рассматривает не «базовое» понятие, а один из его аспектов — идею эпистемического разделения труда в концепции истины Уильямса (*ibid.*: 192–193). Из 8.1 мы узнаем, что в таком случае, как это выяснила Фрикер, для концепции истины нужны не только хорошие информаторы, но и получатели (*ibid.*: 195). В 8.2 Кело пишет о решении Фрикер выбрать частичную деидеализацию и ввести в модель социально-политические обстоятельства для рассуждения на менее абстрактном уровне (*ibid.*: 197). Пункт 8.3 говорит о том, что Фрикер включила в генеалогию теорию ошибок, которая объясняет, почему КП не стала повсеместной несмотря на фундаментальность (*ibid.*: 200). В 8.4 Кело рассуждает о мелиоративной и объяснительной функции подхода Фрикер (*ibid.*: 201).

В девятой главе Кело рассматривает еще несколько проблем, связанных с ПГ, и доказывает, что на самом деле она с ними справляется: в 9.1 говорится о двух типах генетических ошибок, в 9.2 о необходимости генеалогической непрерывности, в 9.3 о проблеме опоры на универсальные потребности и в 9.4 о двух других более частных проблемах (Queloz, 2021: 213–214, 228, 236).

Последняя глава является скорее обобщающей. Она стоит из 10.1, объясняющей преимущества ПГ над сократическим вопросом, и 10.2, где говорится о том, что ПГ отлично вписывает философию в один ряд с другими гуманитарными дисциплинами и демонстрирует, как она может сотрудничать с ними (ibid.: 244–245).

Мы постарались отразить основные идеи Кело из каждой главы, но, конечно, нам приходилось опускать многие важные и интересные моменты. Как можно заметить, в течение всей книги Кело делает несколько вещей: (1) обсуждает различные параметры метода; (2) проводит границу между ПГ и другими подходами (концептуальным анализом, парадигмальным объяснением и др.), сравнивая их и выявляя преимущества ПГ; (3) отслеживает традицию ПГ, описывая элементы метода и его механизм работы у разных авторов. Все это в целом соответствует целям, которые Кело обозначил в самом начале.

И все же, книга вызывает многочисленные вопросы. Начнем с того, что, в отличие от преобладающей в вышедших рецензиях положительной оценки стиля и ясности изложения (Kugiasou, 2022; Hannon, 2023: 1186; Prescott-Couch, 2024: 370), нам текст Кело по нескольким причинам показался сложным для восприятия.

Во-первых, книга полна огромным количеством терминов, которые могут быть непонятны многим не погруженным в тему читателям. Большая часть из них касается генеалогического подхода, то есть тех же самых фактического, воображаемого и предположительного, оправдательного, разоблачающего и объяснительного типов, места и значения натурализма, инструментализма, функционализма, прямого и непрямого утилитаризма, цикличности, интеллектуализма, акуталистической и динамической интерпретации, проблемы преемственности (*continuity*), генетической ошибки (*genetic fallacy*) и многого другого. К этому можно добавить то, что метод ПГ сочетает в себе прагматизм и обратную концептуальную разработку, другие области философии, а также историю,

антропологию, социологию и т. д., каждый из которых имеет свой набор терминов — к примеру, практическая необходимость, пространство причин (*space of reasons*) и прочее. Иногда Кело разъясняет значение отдельных понятий, часть терминов понятна интуитивно, другая ясна из краткого описания генеалогических традиций в начале книги и других подобных мест. Однако это кажется недостаточным для составления систематического представления о методе и оценки важности всех измерений, о которых идет речь.

Во-вторых, в монографии обсуждается множество узких или связанных с другими работами проблем, которые требуют знания большого количества смежной литературы. Прежде всего, это касается вышедших не так давно книг Б. Уильямса, Э. Крейга и М. Фрикер, которым посвящены главы 6–8. Многие детали, обсуждаемые Кело в связи с этими публикациями, могут быть сложными для понимания, если читатель не знаком с первоисточниками. Помимо этого, Кело уделяет большое внимание сравнению ПГ с другими методами и защите ее от критики. К примеру, ПГ сопоставляется с эпистемологией «знание прежде всего» (*«knowledge-first» epistemology*) Т. Уильямсона, с объяснением, основанным на парадигме (*paradigm-based explanation*), сейчас поддерживаемым М. Фрикер, и др. Кело, конечно, излагает аргументы оппонентов и коротко поясняет их позицию, но это все еще весьма узкие проблемы, которые будут полностью понятны и интересны, наверное, только специалистам. Другими словами, книга во многом является частью современных дискуссий и предполагает знакомство читателя с ними.

В-третьих, некоторые вопросы вызвал порядок изложения. Например, первая глава содержит вполне нужную вводную информацию о том, как ПГ вписывается в традицию и что означают некоторые понятия. При этом, как нам кажется, Кело здесь несколько излишне начинает защищать ПГ и говорить о некоторых из ее преимуществ, тем самым нагружая читателя большим количеством фрагментарной информации. Несколько странной нам показалась и вторая глава, которая, судя по названию, должна быть целиком посвящена обратной разработке. Тем не менее, о *reverse-engineering*, в сущности, говорится только в 2.2 и отчасти в 2.5. По какой причине в этот раздел вошли главы про прагматизм, не редуктивный натурализм, нормативность ПГ и ее сочетаемость с другими подходами — не совсем понятно. Подобным образом вопросы возникают и к третьей главе, посвященной генеалогии. Прежде всего, странным кажется то, что случаи, в которых действительно эффективна ПГ, озвучиваются только в третьей главе. В начале книги

Кело оговорился, что впоследствии станет ясно, какие концепции он имеет в виду (Queloz, 2021: 4 п. 6), но ясно не стало. Кроме этого, Кело почему-то решает описать здесь, а не во второй главе, четыре разных способа осуществить обратную разработку, что тоже кажется несколько хаотичным.

В самом начале книги Кело говорит о том, что до выхода его книги оставалось неясным, в чем состоит метод ПГ, где его рамки и как он реализуется, несмотря на то, что примеры такого анализа существуют (ibid.: 17). Конечно, понятно, что своей задачей он видел внесение этой ясности. Однако, как нам кажется, в его повествовании не хватает какой-то линейности, поэтапного объяснения того, как работает метод и какие нюансы возникают на каждой ступени. Вместо этого в книге очень много скачков и ответвлений, которые, может, очень важны и занимательны, но мешают увидеть метод в целостности.

Насколько мы поняли, в общих чертах суть прагматической генеалогии состоит в следующем: составить модель «естественного состояния», определив какую-то потребность, которая бы вызвала возникновение прото-концепции, а затем постепенно деидеализировать ее, дополняя историческими фактами и тем самым избавляясь от абстракций, прийти к современной версии. Это позволит нам понять, как концепция трансформировалась до сегодняшнего вида, деинструментализовалась ли она, какова ее «внутренняя ценность», какие в ней недостатки, соответствует ли ее функция нашей потребности, требует ли она коррекции и т. д.

Однако, самые важные вопросы касаются самого метода прагматической генеалогии, точнее, его прагматической стороны: что он нам дает? какую пользу приносит и приносит ли вообще? имеет ли он практическое применение? Сомнения насчет всех этих вопросов возникают, во-первых, из-за слишком большой степени условности и субъективности, которая будет сопровождать исследователя, применяющего метод ПГ, на всех этапах: (1) самостоятельно придумать ситуацию «естественного состояния»; (2) решить, какая потребность приведет к появлению концепции; (3) определить модель прото-концепции; (4) произвольно отобрать исторические факты для ее деидеализации; (5) самому определить степень деидеализации; (6) выбрать момент и причину, когда прото-концепция станет нынешней концепцией; (7) выявить современные потребности в этой концепции; (8) оценить, подходит ли она нам и т. д. Из книги Кело осталось непонятным, на что человек должен

опираться при принятии всех этих решений — на что-то вроде собственного чутья? Другими словами, этому методу, кажется, очень не хватает строгости и более четких критериев.

Эта проблема проявляется также в том, что по итогу книги остался не очерченным круг концепций, к которым ПГ может быть применена. Кело пишет только о том, что это должны быть базовые, фундаментальные концепции, которыми люди «живут», но под эти критерии может попасть практически любая концепция, далеко не только истина, справедливость и знание. Например, справедливо спросить, можно ли применить ПГ к изучению понятий души, смерти и др., или они недостаточно фундаментальны? В чем вообще заключается фундаментальность: в простоте, первичности, универсальности? При этом в 9.4 Кело утверждает, что использование антропологических универсалий делает генеалогию ограниченной, и лучше обращаться к локальным потребностям, к конкретному контексту. Каков в таком случае критерий? И почему в один ряд с понятиями истины, справедливости и знания встает лояльность (*loyalty*), которую Кело приводит в пример при обсуждении концепций с самоустранивающейся функциональностью (Queloz, 2021: 56)? Применима ли ПГ, например, только к этическим концепциям? Если да, то как определить, что концепция этическая? Как мы видим, Кело следовало подробнее обсудить критерии того, какого типа объекты подходят для исследования в духе прагматической генеалогии, не только для придания строгости методу, но и для защиты его от критики.

Во-вторых, вызывает вопросы способность ПГ привести к по-настоящему неожиданным результатам, раскрыть нечто новое и важное. Прежде всего, непонятно, как преодолеть рамки своего привычного мышления, как не транслировать уже существующие убеждения на «естественное состояние» и всю последующую генеалогию, и, главное, нужно ли избегать этого? Сам Кело отвечает, что не обязательно (*ibid.*: 139), но тогда тем более загадочным остается то, какова цель всего предприятия помимо нормативности. Можно также увидеть определенную пользу в произвольных размышлениях о чем-либо в генеалогическом и прагматическом ключе — прийти к более точному пониманию значения тех или иных концепций лично для себя. В этом будет заключаться объяснительная функция ПГ. Но как оценить концепцию посредством такой ПГ, как получить свежий взгляд на нее?

Как мы видели, одна из главных идей Кело — задавать прагматические вопросы к концепциям, о которых обычно спрашивают «что

такое *X?*», тем самым получая новый ракурс. И, действительно, вопрос «зачем нам истина?» намного менее привычен, чем «что такое истина?», и правда может заставить задуматься. Однако выстраивание генеалогий вкупе с фокусировкой именно на прагматическом подходе в этом деле, как нам кажется, может не принести тех результатов, о которых пишет Кело.

В связи с большим количеством вопросов, которые вызывает у нас применение метода, нам представляется трудным самостоятельно провести даже небольшое исследование с использованием ПГ. По этой причине, чтобы проиллюстрировать наши сомнения относительно полезности этого подхода, рассмотрим пример исследования, выполненного, как нам кажется, аналогичным образом.

Возьмем работу современного исследователя Я. Бреммера, посвященную истории античного понятия «души» (*ψυχή*). Он полагает, что во времена Гомера в Древней Греции существовало два вида понятий: свободная «душа» (*ψυχή*) и телесные «души» (*θυμός, μένος, νόος* и др.). Так, говорит Бреммер, в доклассический период у греков не было понимания «души» как центра «сознания». Вместо этого были «души» отвечающие за разные функции (Bremmer, 2010: 12–14). Однако постепенно, ближе к классическому периоду, понятие *ψυχή* стало расширяться и «поглощать» телесные «души», образуя единство человека, а также оппозицию «душа-тело», приобретая черты вечности, нематериальности и т. д. (*ibid.*: 16). Бреммер полагает, что причиной стала трансформация общества из «примитивного» в полисное, в связи с чем культура стала более дифференцированной, и жизнь людей начала сосредотачиваться на частной сфере, а потому и на их *ψυχή* (*ibid.*: 22–23). Так, мы видим, что Бреммер объясняет появление новой концепции изменением внешних условий и возникновением потребности в идентификации себя с чем-то вроде «сознания» или центра «личности».

Такая трактовка развития концепции «души» в Античности, представляющая собой движение от многообразия к единообразию и от инструментальности к большей абстрактности, принимается многими исследователями. Смотря на нее, можно осторожно сказать, что Бреммер выстраивает «прагматическую»¹⁰ генеалогию концепции «души»,

¹⁰При этом, само по себе объяснение возникновения концепции, конечно, вряд ли имеет тот развитый прагматический вид, какой предполагается Кело, но в целом оно отвечает на вопрос «зачем» и отталкивается именно от него.

предполагая сначала некоторое примитивное, как он сам говорит, состояние, а затем деидеализируя модель и изменяя ее под соответствующие исторические обстоятельства и потребности (Vremmer, 2010: 13).

Все это действительно могло иметь место, но эта генеалогия, так же как и все то, о чем говорит Кело, вызывает настороженность. Так ли она полезна для нас, не ограничивает ли наш взгляд, не сводит ли все к одной линии развития, игнорируя многообразие? Кело пишет о том, что ПГ нередуктивна, отслеживает все признаки, в том числе выделяемые другими видами анализа, учитывает разнообразие, исключения и контрпримеры (Queoz, 2021: 27–31, 36), но трудно понять, как именно ей это удастся. К примеру, такая теория единой линии развития «души» в последнее время встречает критику, и исследователи, отклоняясь от нее, все чаще обращают внимание на неожиданные и индивидуальные черты этого понятия у разных философов¹¹. Тем временем все генеалогии, которые приводил Кело, будь то генеалогия Юма, Ницше или Крейга, были линейными, отвечали на какую-то одну потребность, то есть раскрывали концепцию с одной стороны, и к тому же обладали нормативностью. Как все эти условия могут открыть глаза на нечто, раньше остававшееся незамеченным, а не к утверждению своего изначального взгляда¹²?

Помимо этого, так ли много для нас может сделать прагматический подход, если зачастую он сводится к построению построению предположений о наших потребностях в социо-политическом, психологическом или антропологическом ключе? Приведем еще один, вероятно, не очень корректный, но отображающий смысл пример рассуждений

¹¹К примеру, есть исследователи, которые оспаривают «бессмертие» как одну из главных, согласно теории Времмера о линейном развитии понятия, черт ψυχή. Так, А. Лонг полагает, что у Эмпедокла слово ἀθάνατος означает скорее продолжительное существование в течение конечного периода (Long, 2017: 2, 9, 17). С. Трепанье говорит о том, что идея «бессмертной» ψυχή и вовсе не могла быть приемлемой для Гераклита, считавшего это привилегией только особо избранных (Trépanier, 2021: 27). Спорным является и то, насколько можно говорить о едином движении к выстраиванию оппозиции «души» и «тела». Так, Ф. Хорки, вопреки общепринятому мнению, предполагает, что ψυχή у пифагорейцев могло быть «атомарным» (Horky, 2021: 44, 51, 54, 61), а С. Трепанье рассматривает δαίμων Эмпедокла, часто считающийся аналогом ψυχή, в качестве одной из частей «тела» (Trépanier, 2021: 32).

¹²Подобные вопросы задает и К. Кириаку (Kiriakou, 2022). О том, что прагматический вопрос Кело не помогает нам достигнуть понимания того, какой концепция должна быть, пишет А. Прескотт-Коуч (Prescott-Couch, 2024: 374).

Я. Бреммера о происхождении древнегреческой концепции метемпсихоза (μετεμψύχωσις), традиционно понимаемого как переселение душ. Так, обращаясь к социо-политическому контексту, Бреммер говорит, что эта концепция могла возникнуть, так как отвечала потребностям аристократии (Bremmer, 2010: 20). Он приводит несколько аргументов в пользу этого утверждения: (1) концепция метемпсихоза могла стать одним из проявлений стремления аристократов обрести «вечную славу» и память; (2) быть вызвана потерей ими политической власти и потребностью найти новый вид деятельности, что вылилось в организацию религиозных секты; (3) желанием найти новый способ показать свою исключительность с помощью следования особым правилам, которые подразумевает учение о метемпсихозе и др. (ibid.: 20, 22). Все эти причины могли существовать в реальности, но что нового и важного мы извлекаем из такого объяснения? Можно ли развить из этих потребностей развить прагматические генеалогии? К чему можно прийти в итоге? Это открытые вопросы, которые еще могут быть исследованы в будущем.

Мы также хотели бы, в-третьих, понять, почему воображаемую прагматическую генеалогию так необходимо строить из «естественного состояния»? Почему нельзя создать такую же произвольную и простую модель, но без ассоциаций с «естественным состоянием», которое автоматически наводит на мысли о примитивности, упрощении и т. д.? Перечисленные Кело в 4.5 выгоды от использования этой модели, как нам кажется, подходят и для любой другой: (1) она ясно и просто представляет проблему, которую решает КП; (2) разделяет слитное, выделяя отдельные параметры; (3) показывает, как параметры меняются и как КП зависит от случайных факторов (Queloz, 2021: 89–91)¹³.

Это всего лишь часть вопросов, которые возникали у нас во время прочтения, и мы сосредоточились только на самых простых и очевидных из них, не касаясь куда более тонких проблем. Тем не менее, нам было важно их обсудить, чтобы ответить на главный вопрос, удалось ли Кело дать достаточно полное описание метода и убедить его применять? Как нам кажется, Кело действительно проделал большую работу по тому, чтобы выявить общие черты у разных философов, систематизировать их и привить общую терминологию, описать проблемные места, но при этом недостаточно объяснил механизм работы метода и, возможно, не так подробно проговорил некоторые моменты. По этим причинам,

¹³Скептическое отношение к использованию «естественного состояния» высказал и А. Прескотт-Коуч в своей рецензии: Prescott-Couch, 2024: 376–377, 379.

метод прагматической генеалогии не производит того впечатления, что стремился создать Кело, и вместо этого оставляет ощущение скепсиса, вызванное непониманием того, как можно достигнуть описанных выгод на практике.

В заключение можно сказать, что книга М. Кело, касающаяся огромного количества методологических тем и проблем, связанных с изучением концепций, может оказаться крайне интересной для специалистов, особенно в области философской методологии в целом, аналитической философии, метафилософии, генеалогии, концептуальной инженерии и т. д. Тем не менее, более широкому кругу читателей ее рекомендовать трудно, главным образом, из-за большого количества терминологии и узости рассматриваемых тем. Книга, вероятно, также будет мало полезной для исследователей-практиков, поскольку метод достаточно громоздкий, описан недостаточно строго и почти не содержит готовых инструментов для анализа. Монография Кело является, прежде всего, вкладом в дискуссию, которая существовала и раньше, и особенно активно разворачивается сегодня, а также имеет историографическую ценность, поскольку предлагает взглянуть на уже имеющуюся литературу под новым углом.

ЛИТЕРАТУРА

- Уотмор Р.* Что такое интеллектуальная история? / пер. с англ. Н. Эдельмана. — М. : Новое литературное обозрение, 2023.
- Bremmer J. N.* The Rise of the Unitary Soul and Its Opposition to the Body. From Homer to Socrates // *Philosophische Anthropologie in der Antike* / ed. by L. Lansen, C. Jedan. — Berlin, Boston : De Gruyter, 2010. — P. 11–29.
- Cappelen H., Plunkett D.* Introduction : A Guided Tour of Conceptual Engineering and Conceptual Ethics // *Conceptual Engineering and Conceptual Ethics* / ed. by A. Burgess, H. Cappelen, D. Plunkett. — Oxford : Clarendon Press, 2020. — P. 1–26.
- Chalmers D. J.* What is Conceptual Engineering and What Should It Be? // *Inquiry*. — 2020. — Vol. 64, no. 1. — P. 1–18.
- Collini S.* The Identity of Intellectual History // *A Companion to Intellectual History* / ed. by R. Whatmore, B. Young. — Chichester : Wiley-Blackwell, 2016. — P. 7–18.
- Craig E.* Genealogies and the State of Nature // *Bernard Williams* / ed. by A. Thomas. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007. — P. 181–200.
- Dogramaci S.* Reverse Engineering Epistemic Evaluations // *Philosophy and Phenomenological Research*. — 2012. — Vol. 84, no. 3. — P. 513–530.

- Hannon M.* What's the Point of Knowledge? A Function-First Epistemology. — New York : Oxford University Press, 2019.
- Hannon M.* The Practical Origins of Ideas, by Matthieu Queloz // *Mind*. — 2023. — Vol. 132, no. 528. — P. 1185–1193.
- Horky P. S.* Pythagorean Immortality of the Soul? // *Immortality in Ancient Philosophy* / ed. by A. G. Long. — New York : Cambridge University Press, 2021. — P. 41–65.
- Isaac M. G., Koch S., Nefdt R.* Conceptual Engineering : A Road Map to Practice // *Philosophy Compass*. — 2022. — Vol. 17, no. 10. — P. 1–15.
- Kail P. J. E.* The Practical Origins of Ideas : Genealogy as Conceptual Reverse-Engineering / *Notre Dame Philosophical Review*. — 2021. — URL: <https://ndpr.nd.edu/reviews/the-practical-origins-of-ideas-genealogy-as-conceptual-reverse-engineering/> (visited on Aug. 8, 2024).
- Kyriacou C.* Matthieu Queloz, the Practical Origins of Ideas. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2021. ISBN: 9780198868705, £72, Hbk. *J Value Inquiry* (2022) / SpringerLink. — 2022. — URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10790-022-09919-0> (visited on Aug. 8, 2024).
- Lightbody B.* Reconstructing Philosophical Genealogy from the Ground Up : What Truly Is Philosophical Genealogy and What Purpose Does It Serve? // *Genealogy*. — 2023. — Vol. 7, no. 4. — P. 1–20.
- Long A. A.* Immortality in Empedocles // *Apeiron*. — 2017. — Vol. 50, no. 1. — P. 1–20.
- Lovejoy A.* Reflections on the History of Ideas // *Journal of the History of Ideas*. — 1940. — Vol. 1, no. 1. — P. 3–23.
- McMahon D. M.* The Return of the History of Ideas? // *Rethinking Modern European Intellectual History* / ed. by D. M. McMahon, S. Moyn. — Oxford : Oxford University Press, 2014. — P. 13–31.
- Novaes D.* Genealogies and the State of Nature // *Beyond the Analytic-Continental Divide* / ed. by J. A. Bell, A. Cutrofello, P. M. Livingston. — New York : Routledge, 2016. — P. 75–108.
- Prescott-Couch A.* The Philosopher as Reverse-Engineer // *Analysis*. — 2024. — Vol. 84, no. 2. — P. 368–384.
- Queloz M.* The Practical Origins of Ideas : Genealogy as Conceptual Reverse-Engineering. — Oxford : Oxford University Press, 2021.
- Ratcliffe J.* Genealogy : A Conceptual Map // *European Journal of Philosophy*. — 2024. — Vol. 32, no. 1. — P. 1–22.
- Trépanier S.* The Soul and the Celestial Afterlife in Greek Philosophy Before Plato // *Immortality in Ancient Philosophy* / ed. by A. G. Long. — New York : Cambridge University Press, 2021. — P. 12–40.
- Williams B.* Truth and Truthfulness : An Essay in Genealogy. — Princeton : Princeton University Press, 2002.

Zainullina, S. S. 2024. "Metodologicheskii sintez v filosofii [Methodological Synthesis in Philosophy]: retsenziya na knigu Matt'ye Kelo ob ob'yedinenii genealogii, pragmatizma i kontseptual'noy inzhenerii [A Review of a Book by Matthieu Queloz on the Integration of Genealogy, Pragmatism, and Conceptual Engineering]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 401–418.

SYUMBEL ZAINULLINA

BA STUDENT

INSTITUTE FOR ORIENTAL AND CLASSICAL STUDIES

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0009-0001-6814-9093

METHODOLOGICAL SYNTHESIS IN PHILOSOPHY

A REVIEW OF A BOOK BY MATTHIEU QUELOZ ON THE INTEGRATION OF GENEALOGY, PRAGMATISM, AND CONCEPTUAL ENGINEERING

QUELOZ, M. 2021. *THE PRACTICAL ORIGINS OF IDEAS: GENEALOGY AS CONCEPTUAL REVERSE-ENGINEERING*. OXFORD: OXFORD UNIVERSITY PRESS

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-401-418.

REFERENCES

- Bremmer, J. N. 2010. "The Rise of the Unitary Soul and Its Opposition to the Body. From Homer to Socrates." In *Philosophische Anthropologie in der Antike*, ed. by L. Lansens and Ch. Jedan, 11–29. Berlin and Boston: De Gruyter.
- Cappelen, H., and D. Plunkett. 2020. "Introduction: A Guided Tour of Conceptual Engineering and Conceptual Ethics." In *Conceptual Engineering and Conceptual Ethics*, ed. by A. Burgess, H. Cappelen, and D. Plunkett, 1–26. Oxford: Clarendon Press.
- Chalmers, D. J. 2020. "What is Conceptual Engineering and What Should It Be?" *Inquiry* 64 (1): 1–18.
- Collini, S. 2016. "The Identity of Intellectual History." In *A Companion to Intellectual History*, ed. by R. Whatmore and B. Young, 7–18. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Craig, E. 2007. "Genealogies and the State of Nature." In *Bernard Williams*, ed. by A. Thomas, 181–200. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dogramaci, S. 2012. "Reverse Engineering Epistemic Evaluations." *Philosophy and Phenomenological Research* 84 (3): 513–530.
- Hannon, M. 2019. *What's the Point of Knowledge? A Function-First Epistemology*. New York: Oxford University Press.
- . 2023. "The Practical Origins of Ideas, by Matthieu Queloz." *Mind* 132 (528): 1185–1193.
- Horky, P. S. 2021. "Pythagorean Immortality of the Soul?" In *Immortality in Ancient Philosophy*, ed. by A. G. Long, 41–65. New York: Cambridge University Press.
- Isaac, M. G., S. Koch, and R. Nefdt. 2022. "Conceptual Engineering: A Road Map to Practice." *Philosophy Compass* 17 (10): 1–15.
- Kail, P. J. E. 2021. "The Practical Origins of Ideas: Genealogy as Conceptual Reverse-Engineering." *Notre Dame Philosophical Review*. Accessed Aug. 8, 2024. <https://ndpr.nd.edu/reviews/the-practical-origins-of-ideas-genealogy-as-conceptual-reverse-engineering/>.
- Kyriacou, Ch. 2022. *Matthieu Queloz, the Practical Origins of Ideas*. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2021. ISBN: 9780198868705, £72, Hbk. *J Value Inquiry*

- (2022)." SpringerLink. Accessed Aug. 8, 2024. <https://link.springer.com/article/10.1007/s10790-022-09919-0>.
- Lightbody, B. 2023. "Reconstructing Philosophical Genealogy from the Ground Up: What Truly Is Philosophical Genealogy and What Purpose Does It Serve?" *Genealogy* 7 (4): 1–20.
- Long, A. A. 2017. "Immortality in Empedocles." *Apeiron* 50 (1): 1–20.
- Long, A. G., ed. 2021. *Immortality in Ancient Philosophy*. New York: Cambridge University Press.
- Lovejoy, A. 1940. "Reflections on the History of Ideas." *Journal of the History of Ideas* 1 (1): 3–23.
- McMahon, D. M. 2014. "The Return of the History of Ideas?" In *Rethinking Modern European Intellectual History*, ed. by D. M. McMahon and S. Moyn, 13–31. Oxford: Oxford University Press.
- Novaes, D. 2016. "Genealogies and the State of Nature." In *Beyond the Analytic-Continental Divide*, ed. by J. A. Bell, A. Cutrofello, and P. M. Livingston, 75–108. New York: Routledge.
- Prescott-Couch, A. 2024. "The Philosopher as Reverse-Engineer." *Analysis* 84 (2): 368–384.
- Queloz, M. 2021. *The Practical Origins of Ideas: Genealogy as Conceptual Reverse-Engineering*. Oxford: Oxford University Press.
- Ratcliffe, J. 2024. "Genealogy: A Conceptual Map." *European Journal of Philosophy* 32 (1): 1–22.
- Trépanier, S. 2021. "The Soul and the Celestial Afterlife in Greek Philosophy Before Plato." In *Immortality in Ancient Philosophy*, ed. by A. G. Long, 12–40. New York: Cambridge University Press.
- Whatmore, R. 2023. *Chto takoye intellektual'naya istoriya? [What Is Intellectual History?]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Edel'man. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Williams, B. 2002. *Truth and Truthfulness: An Essay in Genealogy*. Princeton: Princeton University Press.